

Биратко
Василий

Возрождение

Граната в руках обезьяны

Василий Биратко

**Возрождение, или
Граната в руках обезьяны**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Биратко В. Ф.

Возрождение, или Граната в руках обезьяны / В. Ф. Биратко —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Место действия - Беларусь. После энергетического коллапса Природа сравняла былую мощь цивилизации. Остатки людей образовали племя, выживая 1000 лет в диком лесу. Юноша-варвар проявил талант в изобретательстве. Приручил зубра, саблезубого тигра в "Пскове". Его любознательность и неусидчивость подталкивают на дерзкие походы. В одном из них обнаружил за энергетическим барьером Полоцкий Софийский Собор. Далее уплыл в "Киев" искать вторую Софию, здесь познает первую любовь, но она виртуальна, чтоб превратить ее в обычную земную, требуются новые походы. По Днепру на край света... вместе с любимой искать любимую... прямо к звездам.

Содержание

Глава №1	8
Послы с Севера	8
Начало прогресса	15
Первые изобретения	22
На север	25
Спас	28
Походы, походы ...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

За что боролись, на то и напоролись

(Раздумья главного героя после «драки»)

Тысячелетие назад существовала могучая цивилизация. Мощь ее была огромна, их люди летали к звездам. Они черпали энергию из пустоты, добывали чистейшие полезные ископаемые на астероидах, привели в порядок Землю после стремительного прогресса IX-XI века. Но с чистотой души не справились. Беззаботность и стремление жить лучше, попергло общество в хаос, приведшее к энергетическому коллапсу.

Я (Герой книги) вернул остаткам человечества технику прошлой цивилизации, оружие, энергию, но мы не знаем, как оно устроено, как его производить и ремонтировать. Может этого и не надо было делать – идти от истоков жизни в гармонии с природой к технологической цивилизации? Но тогда не узнаешь, как устроены иные миры, как рождаются звезды, не удастся заселить себе подобными другие планеты. На это нет однозначного ответа.

Что будет потом, только потомки могут рассудить. И то вряд ли, чтобы справедливо рассудить, надо на собственной шкуре все ощутить. Как жилось нам среди лесов, полных дичи, рек, кишаших рыбой, пения птиц. Как прекрасно встречать рассвет с подругой на росной, благоухающей ароматом разных цветов поляне под щебетание птиц.

Сбросив шкуру рыси, убитой тобою голыми руками, прыгнуть в реку, потягаться с могучим сомом в два-три пуда, вытянувши его из-под коряги. Как ребяташки из твоего селенья бегут за тобой, а ты идешь с охоты, неся на плечах годовалого кабанчика кило под сто пятьдесят в свое племя, к вечеру большой праздник!

А как намедни мы всем селеньем завалили мамонта, это был неописуемый триумф! Да-да, предки начудили в свое время с генной инженерией, теперь и не такого зверья в лесу увидишь, мама не горюй! Они тогда и не задумывались, что оставляют для нас, потомков. Одно хорошо, что генномодифицированные растения, злаковые и овощи, потребляемые в пищу, так сплетаются многолетними корнями, что ни один сорняк, и даже кусты не хотят расти на полях. По прошествии сотен лет они так и остались чистыми полями, хотя и одичали, урожай очень низкий, но нам, остаткам человечества, вполне хватает.

Этого мамонта хватило на всю округу, пригласили и соседние племена. Вот это был праздник!

Здесь не премину отметить наших предков за величайшее изобретение всех времен – САМОГОННЫЙ АППАРАТ. Великая хвала им, с ним праздники удаются на славу. И как это изобретение смогло передаться из поколения в поколения, если ни один человек той эпохи не выжил, не говоря о том, что они и сами не пользовались им столетиями, ума не приложу, разве только смогли Бомжи о нем знать, более приспособленные к таким условиям. Значит мы потомки великой культурной прослойки общества – Бомжей. Но не от Интеллигентов конечно, эти совсем уж дикие люди, даже костра развести не могут, так и грызут сырое мясо и живут по пещерам. Родителей убивают, чтоб пожрать, не заморачиваясь охотой, людоеды несчастные. Да и в древний цивилизованный век они особо не гнушались «съесть» ближнего, чтоб достался лакомый кусочек, теплое местечко под «солнцем власти». Вот и расплачиваются теперь потомки.

Пока не съели этого мамонта, неделю никто не покидал селения. Через 9 месяцев было продолжение, еще один грандиозный праздник, рождение такого количества детей, что не помнят даже старожилы. И в большинстве своём неизвестно, где чей, от какого рода-племени. Старейшины, собравшись на совете, провозгласили объединение племен в единый род. Вот

и без войны обошлось, все мирным путем, правда по пьяни пару человек прибили в кулачных боях, но они получили при этом свое удовольствие, не в пример цивилизованным людям, погибающим тысячами по воле «царя» и Отечества, и все во «благо» этого народа, а оно им надо было погибать?

И еще, я вот что думаю, зачем это голографическое порно, подсоединение различных датчиков осязания, изобретать сложнейшую аппаратуру, тратить колоссальные средства? Когда вот так просто, принес с охоты лису и бросил ее к ногам Нюрки, и порно обеспечено на всю ночь, а коль кабанчика, то это на недельку, пока сам его и не доешь. Да еще и по морде можешь схлопотать для более полных ощущений, если отлынивать станешь...

Вот сижу и думаю, как описать свою историю, историю Возрождения. Не доверяю я этим электронным книгам, вдруг снова будущие поколения постигнет хаос? Не дай бог! Попробуй необразованному пойми, что это диск со словами и картинками, а не украшение, сверкающее в лучах солнца, тем более, кусочек кристалла с памятью в миллионы гекобайт. Книга проще, особенно с рисунками. Благодаря им человечество в мою эпоху смогло воспрянуть из небытия прямо к звездам.

И главное, чтобы ни у кого не было сомнений по поводу правдивости, что и нам жилось весело и хорошо, несмотря на угрозу вымирания. Начну по порядку...

Для чего же жить, если не мудрить!

Глава №1

Послы с Севера

Мой дед был искусным кузнецом в округе. Широкоплеч, морщинист, весь седой, с кучерявой шевелюрой (вроде моей). Годков уже седьмой десяток на исходе, а силища еще огого, меня одной левой уложит. Вся жизнь прошла в кузнице, молот и наковальня, все по пуду весом, слабак не выдержал бы и дня, диво что не находится нормального ученика. Ну я это породственному, а то бы давно сбежал.

Он мог выковать такие искусные наконечники для стрел, они пробивали лося навывлет, оставляя раны шириной с ладонь, а мелкую дичь рассекали пополам. Когда я выстрелил в дикого петуха, он так и убежал без головы в лес. Ковал ножи, копья, особенно любил топоры, говорил: «Они орудия созидания. Ими дров нарубишь и шалаш соорудишь, лодку из ствола выдолбить можно, а вот живое существо попробуй убить. Убить, конечно, можно, но сначала догнать его надо». Только одна у деда проблема была, найти хорошее железо, да и каменный уголь большая редкость (предки иссушили богатства земли, а что и осталось, то глубоко). Бывало, месяцами ходил по заброшенным местам, в глухомани несусветной, что даже зверь обходит стороной, говорят, там духи предков живут. Немало народу сгинуло. Вот и сейчас уже 2 месяца восточки нет. А на днях приходили воины из далекого северного селенья, шли они 37 дней. Принесли много железа, просили передать деду в знак благодарности.

Он шестнадцать лет назад на охоте возле Большой Реки, что протекает в северной стороне, повстречал воина. Подарил ему свой клинок, сильно голодало его племя, копья примитивные – с каменными наконечниками, куски железа да кремневые скребки служили ножами. (Я немного помню рассказ из детства старейшины возле костра об исчезнувшем северном селении). После их встречи (деда и воина) лето напролет наши воины обыскивали всю территорию за Большой Рекой на месяц ходу, но тщетно. Только обнаружили покинутую стоянку.

Гостей приняли с почестями, жареным кабанчиком и курдюком браги. Ходоки, измученные дорогой, быстро опьянели и хотели отойти ко сну, но не тут-то было. Наши девчонки не промах, просто так не отвяжешься, в кои-то веки такие молодцы пожаловали. Но приступить к охмурению со своими расспросами мешал старейшина Старомир.

– Как вы нас нашли, ведь прошло шестнадцать лет после встречи? Все тропы зарастают быстро.

– Но звезды светят неизменно, как бог их укрепил на небосводе, так они и останутся до скончания веков, – сказал старший воин.

– Ваша правда, значит, вы тот самый воин?

– Нет, он погиб, но путь к вам должен знать каждый младенец нашего рода.

– Спасибо. Это делает нам много чести, спасибо.

– Да еще кой-где остались не прогнившие пни срубленных деревьев, на холмах и полянах оставленные вашими воинами, они корректировали наш путь. Мы боялись одного – что не обнаружим вас, вдруг и вы перекочуете куда-нибудь? Но на этом берегу Большой реки сомнения отпали, по дикому зверю мы поняли, что он очень знаком с человеком, и остатки лося, попавшиеся на двухдневном пути от вас, подтвердили правильность направления.

– Хе, однако расслабились мои воины, нет диких людей – и маскироваться не надо. Да ладно, добре, что наша неосторожность пошла на пользу всем нам. Мы обжились здесь навсегда, лес хорошо кормит, поля ржи, льна кругом, монстров нет в помине, диких людей также. Присоединяйтесь к нам.

– Спасибо за предложение, мы передадим его волхвам. Но не думаю, что примем ваше предложение, мы не одни, рядом есть еще меньшее селенье, которое нуждается в нашей помощи, они в свое время нам помогли избавиться от саблезубого тигра, теперь наша очередь.

– Так приходите все вместе.

– Это вряд ли, после смерти старца Вольфгана там сейчас правит очень амбициозный молодой вождь и свое главенство в роду терять не намерен, несмотря на уменьшение численности воинов.

– Не дай бог в наш тяжелый век, когда каждый человек на счету, иметь таких лидеров. А что народ?

– Побаивается. Он очень умен и силен, за шестнадцать лет смог выжить с горсткой воинов, в племени у него большинство женщины и дети... – воин немного запнулся. – Дети в основном инвалиды. Смешение родства сказывается.

– Ай-я-я. Ладно, дело уже за полночь, вам и отдохнуть не мешало бы, а я буду думать о вышесказанном, – тяжело вздохнул старейшина.

Воинов быстро растащили молодичицы, уже присмотрев и разделив заранее. Один подросток моих лет остался сидеть у костра, глядя на догорающий огонь.

– Пошли ко мне, впрочем, я внук того самого кузнеца.

– Вот здорово! – просиял от радости парень. – Увидеть самого Мастера Сталь...

– Не получится, уже два месяца, как нет его. Он...

– Извини я не знал, горе-то какое... – перебил меня воин.

– Что ты! Сплюнь. Он ушел искать уголь и железо, он всегда уходит надолго.

– Ой, что я надумал, во балда, забежал вперед твоих слов и похоронил деда.

– Ничего, значит, он живет всех живых.

Мы дружно рассмеялись. Незаметно пришли ко мне в землянку, развели небольшой костер, чтобы немного прогнать сырость земли.

– Послушай, а ты видел того монстра с длинными клыками? Говорят, он такое страшное лицо, просто жуть. Меня в детстве им пугали, грозили отвести туда, если не буду слушаться. Говорят, одной лапой мог десять человек убить сразу?

Молодой воин гордо поднял голову с легкой улыбкой на лице, на котором при свете огня зловеще выделялся ровный длинный шрам на левой щеке, и предложил послушать события тех лет.

...

– Объявился в ту пору монстр в их краях, по ночам все селенье почти передувил. Подарок деда оказался как раз вовремя. По возвращении воина в селение уже оставалось меньше половины жителей. Старейшина собрал совет, надо было решить, кому дать клинок, ведь если зверь убьет воина, то можно навсегда потерять и оружие, и последнюю надежду на спасение. Так как в селении уже не осталось молодых и крепких воинов, было принято решение просить в соседнем племени лучшего воина Дрыгвята.

Племя Вольфгана прибыло недавно из глубинки Востока, оно было немного диковато и малочисленно, но воины все коренасты и широкоплечи, с узким разрезом глаз, их хищный взгляд все недолюбливали, хотя поведение их было миролюбиво. Дрыгвят немного выделялся ростом и светлой кожей, его длинные черные волосы выючимися локонами спадали на белый торс, весь покрытый шрамами от когтей диких зверей. Он не раз ходил с рогатиной на медведя, да и удар кулака был не слаб. Однажды выскочивши из засады, одним ударом меж рог свалил оленя. Поговаривали, что он один смог убить тиранозавра.

Воин частенько навещался в наше селение, приносил туши оленей, видя бедственное положение племени, не стал артачиться после оказанной ему чести, ему самому хотелось побо-

роться с этим монстром, да и занять легендарный клинок Мастера Сталь (кстати, так зовут моего деда) – большой соблазн. И еще одна самая веская причина, существующая во все времена – это женщина, самая красивая и неприступная Дара. Скольких женихов отвадила она от себя, некоторых побила в кулачном бою. Как говорится, огонь-баба.

Дрыгвят прибыл к обеду, несмотря на двухдневный нормальным шагом переход. Он бежал всю ночь изо всех сил, зная, что каждая ночь может стать последней для племени Дарки, да она и сама не раз порывалась идти в засаду.

Старейшина церемониально не спеша развернул соболью шкуру и вручил клинок лучшему воину в округе. Дрыгвят на восхищение всем поднял клинок, клинок Мастера Сталь. Он, сверкающий в лучах солнца, всех приворожил, как лучик надежды, проскользнул в каждое сердце жителя селенья. Затем воин уверенной походкой подошел к следопыту нашего племени, и они вдвоем скрылись за околицей, даже бегло не взглянул на возлюбленную, хотя он долго чувствовал ее взгляд. Он не хотел будоражить ее сердце, он шел на верную смерть, только малая искорка клинка таила в себе надежду.

Селенье располагалось на склоне горы. С севера и запада его ограждали неприступные отвесные скалы, к югу расстиралось поле, а вот к востоку начинался могучий лес, его вековые кедры и лиственницы возвышались так высоко, что в дождливую погоду казалось, они задевали своими вершинами облака, но росли они редко, не мешая расти и мелким кустарникам, от этого в лесу было солнечно.

Следопыт показал всю окрестность, звериные тропы, откуда чаще всего приходило чудище. Дрыгвят выбрал место у края скалы, где начинался лесок. Ветерок сопутствовал удаче, дул из леса, отгоняя запахи человеческого присутствия. Выбор места пал на одинокий камень, который возвышался в два человеческого роста поодаль от скалы, с него открывался хороший обзор, и это давало возможность не опасаться быть замеченным.

Затем Дрыгвят сходил на речку, вымылся, натирая себя глиной с ароматной травой, прополоскал шкуры, также натирая разнотравьем. Подготовка была завершена, растянувшись на солнышке, он ожидал вечера. Солнце быстро склонилось к лесу и скрылось в листве, а как хотелось еще поваляться, понаслаждаться жизнью, может, это последний вечер. Поднялся, тщательно обмотал шкурами свое тело, надо было сделать это так, чтобы они защищали как можно большую поверхность открытого тела, при этом не стесняли в движениях, в суставах и не сползали.

Стемнело. Затихли птицы. Кое-где было слышно уханье совы. Небо чистое, звездное, молодой только взошел. Лежа на камне, Дрыгвят, слегка высунув голову, замер в ожидании, по камню пробежала легкая прозрачная тень, показалось дуновение теплого ветерка со стороны скалы. Он осторожно повернул голову, осмотревшись вскользь, ничего не заметил, но все равно осталось предчувствие, что будто кто-то наблюдает за ним. Вдруг вдалеке в горах раздался глухой рык, Дрыгвят всполошился – неужели неправильно он выбрал место для засады, может, пока не поздно, сменить позицию? Но там скала стоит отвесной стеной, какой бы ты ни был силы, но ее не преодолешь. Так в раздумье прошло время, тишину никто больше не нарушал. Немного успокоившись, замер на месте, опыт воина его не подвел. Спустя полчаса он увидел силуэт зверя, вышедшего из леса. Мгновение – он исчез и совсем неподалеку возле скалы появился снова. Он стоял на тропе, высокий, ростом с оленя, но очень походил на кошку. Прошелся мимо камня, снова остановился, долго принюхивался, что-то заподозрил. Почувявши опасность, зверь развернулся, стал медленно уходить.

Нужно срочно что-то делать, ждать было нельзя, если уйдет, то вернется ли? А если вернется, то когда? В два прыжка Дрыгвят очутился на земле и преградил кошке путь. Теперь, стоя в десяти метрах от него, можно было рассмотреть и оценить врага по достоинству, это была кошка в холке с человеческий рост, рыжая в белую полосу, с морды вниз торчали два

огромных клыка длинною с локоть. При свете луны шерсть сверкала нежным отливом, когда под шкурой двигались мускулы, по шерсти шла заволаживающая волна света.

Она стояла тихая и спокойная, ничем не выдавая агрессии. Казалось, она замурлыкала, втягивая воздух вздутыми ноздрями, и завилыла хвостом. Так простояли, кажется, целую вечность, глядя глаза в глаза. Саблезубый тигр не проявлял никакой агрессии, изредка нежно мурлыка. В мозгу сменялись мысли одна за другой со скоростью ветра. И главная – как эта с виду миролюбивая кошечка могла загубить столько народу? В этот опасный момент в подсознании возникли образы далекого детства...

И вдруг нарушил всю тишину и ход мыслей скатившийся с горы камень. Кошка прыгнула вперед и в сторону, чтобы не задеть человека, но у воина сработал рефлекс, сделал выпад навстречу и с размаху ударил клинком зверя. Зверь рыкнул и взглянул на лапу, стопа висела на куске шкуры. Тигр зубами оторвал и бросил ее на тропу, затем издал такой мощный рёв, словно лавина обрушилась с гор, и злобно пошел на воина. Совершил прыжок, ударив всеми тремя лапами в полете, левой лапой тигр выбил клинок, и он отлетел к скалам, как щепка. Всем весом навалившись, кошка прижала к себе передней левой лапой за правый бок, а двумя клыками, торчащими из пасти, она прижала левое плечо к себе, перекатилась на спину и задними лапами замельтешила, раздирая кожи, защищающие тело. Они несколько раз перекатывались друг на друга, но кошка всегда норовила лежать на спине и наносить страшные удары задними лапами, передняя же, выпустив когти, впилась в спину так, что, казалось, они способны проколоть легкие. Они прошли аккуратно меж ребер и завернулись изнутри. Как бы издеваясь над врагом, челюсть продолжала нежно мурлыкать прямо на ухо, а задние ноги, разодрав кожи, полоснули когтями пару раз по телу, тут же остановились. Поединок взял пятиминутную паузу. Задыхаясь от боли, Дрыгвят оттолкнул пасть, насколько хватило сил, и нанес удар кулаком в область трахеи, хватка ослабла, он занес руку снова для удара, как отведенная рука почувствовал рядом на земле холодную сталь клинка.

Как он здесь очутился, ведь его потерял возле горы, шагов за пятьдесят? Но думать было некогда, и он нанес смертельный удар в область сердца. Вылезти из объятий было непросто, они были непреодолимы.

Тигр лизнул Дрыгвята в плечо, затем убрал когти из спины и отвел клыки. Воин вскочил на ноги. Кошка смотрела на него умоляюще, прося... Нет, не добить, что-то еще, но что? Живот у тигра зашевелился. Да, это была кошка, догадался он, она беременна, в бою ему все чудилось, что кто-то еще норовит ударить в живот, так это были котята. Воин наклонился и потянул за сосок, из него выступили капельки молозива, тигрица нежно и протяжно взвыла. Клинком осторожно вспорол живот и извлек два маленьких, пушистых мокрых комочка, несмотря на внушительные размеры мамыши. Он поднес их к морде самки, и она стала их облизывать, затем из последних сил приподняла голову, лизнула своим длинным языком лицо Дрыгвята, довольно мурлыкнула по-кошачьи и закрыла глаза, на которых выступили слезы, как показалось, слезы радости и облегчения.

Теперь, при свете луны, когда все было позади, он рассмотрел более детально. Кошка была стара, и вне всякого сомненья это были бы ее последние роды, под хвостом виден был огромный, толстый рубец от рваной раны, значит, сама она не могла родить. Вот почему она не хотела нападать. Она шла в селенье к людям за помощью! Но опасалась, и не напрасно! Человек в опасности бывает безрассудным.

Сейчас же перед Дрыгвятом вновь всплыла забытая картинка детства, когда его, еще ребенка, мать спасалась от стаи волков, неся малыша, зажав в охапку, а волки рвали ее за ноги, бедра, руки. Вот ноги подкосились, и она упала, закрывая телом дитя, а ее накрыла свора волков. Как вдруг из ниоткуда появилась огромная странная кошка, она одним рыком разогнала стаю. Затем, подошедши к ним, долго смотрела на растерзанное тело матери, обеими руками прижавшей его к груди. Мать так сильно прижимала свое чадо, что оно не выдержало и рас-

плакалось. Кошка обнюхала мать, тяжело выдохнула, перевернула ее на спину, мертвая хватка надежно удерживала мальчика на груди. Взяла аккуратно ее за голову, пропустив шею меж клыков (женщине было все равно, она была мертва) и так дотянула до окраины села, везя малыша на родной матери. Издала рев, что все люди повыскакивали из своих жилищ, а сама исчезла в кустах.

Да, это была она! Она вспомнила запах дитяти и радостно мурлыкала, стараясь напомнить мне о прошедшем. Ну зачем, зачем сработал этот проклятый рефлекс, зачем я начал первым? Ведь это только она могла быть ТАМ и ЗДЕСЬ! Через двадцать лет я убил свою спасительницу! Дрыгвят упал на колени и застонал от боли, нет, не ран, боли в сердце. Значит, это не она нападала на людей. А КТО?

В страхе Дрыгвят снова вскочил на ноги, вспомнив рев где-то в горах, в подтверждение снова раздался рык уже в селении. Похолодело внутри: пока он здесь бился, настоящий монстр-людоед спускался с гор, а с таким ростом неприступные отвесные скалы покажутся пригорком. Клинком воин обрезал все лохмотья шкур бывшей защиты и, оставшись практически нагишом, рванул к лагерю. Забыл про боль, перед его глазами все стояла картина убитой кошки и лежащих подле нее беззащитных котят.

– Забери котят! – на бегу крикнул в темноту.

Он догадывался, что кто-то из жителей следил за ходом событий, ведь не мог сам клинок пролететь пятьдесят метров. Да и на фоне луны мелькнула раз тень, тогда он считал, что это хвост кошки.

Он летел на крыльях гнева, обиды, мести. Адреналин зашкаливал все допустимые нормы, боли от рваных ран, сочившихся кровью, как не бывало. Со всего разбегу он вылетел на центр села. Сбоку, под скалой, не обращая никакого внимания, ходила кошка!

И снова тигр?! Не может быть! Это не она, это не галлюцинации, пронеслось в голове. Смятение пережитого его немного охладило и остановило от непредсказуемых поступков. Дрыгвят решил немного отдышаться, понаблюдать за зверем. Тигр разрывал хижин в поисках людей. Да, что для нормального зверья казалось неприступной отвесной скалой, то для такого монстра сущий пустяк. Этот кошак был еще крупнее, и клыки свисали длинной в руку. Затем, повернув голову к скале, учуяв там людей, неспешно направился к заваленной пещере. В скале находилась небольшая пещера для хранения провизии. Люди спрятались в ней, а Дрыгвят завалил вход камнями. Теперь, осознавая свое превосходство перед малочисленным населением племени, тигр медленно подошел к ней и могучими лапами принялся разгребать камни, освобождая проход. Нагребая гору камней, он отходил назад и отгребал их дальше, затем снова принимался за пещеру, словно рыл нору для своего потомства не в скале, а в мелком речном песке.

Светало. Воин перемотал целые кожи с торса на ноги и... живот. Как показала практика, это самое уязвимое место от кошачьих лап, мысленно поблагодарил свою спасительницу за науку. Монстр, изрядно подуставши, но от намеченного не отступал, продолжал рутинную работу. Вот когда появился лаз, в который мог пролезть человек, Дрыгвят издал воинственный клич. Саблезубый тигр присел от неожиданности, увидев всего-то одного человека, кинулся к нему, предвкушая скорую гибель жертвы и легкий завтрак. Но воин уже имел представление о тактике нападения кошек, знал, что клинком лучше драться на расстоянии. Опять мысленно поблагодарил свою спасительницу, теперь и учителя за науку. Поэтому он немного присел и, когда тигр сделал прыжок, отпрянул в сторону и, взмахнув клинком, отсек... м-да, хвост, ну промазал маленько, нет надлежащего навыка владения длинным «ножичком». Зверь издал рев, что заложило в ушах, с разворота он метнулся снова, разбрызгивая струей кровь хвостом-обрубком. Удар лапы пришелся на левое плечо, падая, Дрыгвят сделал укол в пах, он по-прежнему старался колоть, как ножом или пикой, а не сечь. Левая нога тигра немного стала отставать, наверное, повреждено сухожилие. Присев на задницу, стал бить передними лапами

перед собой, не давая результативно колоть, отбивал все попытки и быстро наседа на воина, скользя на попе, вскоре прижал его к скале. Вскочивши на небольшой выступ, Дрыгвят замахал клинком слева направо и справа налево, может, просто от отчаяния или от страха, но это возымело успех, рассекал разные участки тела монстра, одним ударом снес полклыка, это охладило тигра, да и лапы, морда были изрезаны, глаза залила кровь. Зверь отступил.

Дрыгвят, восхищенный своей обороной, прыгнул, выставивши вперед клинок. Да, он вонзил его в холку, но клинок там и остался. Тигр снова кинулся вперед и обнял смертельной кошачьей хваткой. Когти передних лап, зацепившись за ребра, разрывали грудную клетку в стороны, задняя лапа работала, как крылья стрекозы, превращая ноги в лохмотья, оставшийся клык вошел аккуратно в плечо под кожу, но воин бил кулаком что есть силы по шее, горлу, морде, хотел было ударить в пасть, чтоб произвести удушье, это помогало не раз в схватке с волком, но не рискнул, такая пасть легко проглотит руку по самые плечи, даже запить не попросит. Тигр, навалившись на Дрыгвята, замер, растягивание ребер сменил на сжатие все сильнее и сильнее. Силы были у обоих на исходе, истекшие кровью, они лежали, дожидаясь смерти.

И вдруг словно молния сверкнула в небе, это тот самый луч надежды взметнулся вверх и, перерубая шею тигра, застыл в сантиметре от лица воина. Последнее, что увидел Дрыгвят, это улыбающееся лицо Дарии. Это она наблюдала за происходящим, только сейчас перед опасностью жизни любимого смогла побороть страх перед монстром. Выдернув из холки клинок, закрыв глаза, рубанула им по шее, еще немного – и перерубила бы еще одну. В это время из пещеры уже вылезли люди и с копьями бежали на помощь.

Очнувшись через три дня, Дрыгвят обнаружил себя в шалаше, а рядом качались котята, те самые пушистые рыжие комочки. Еще долго мучила его совесть в гибели кошки, только Дара длинными осенними вечерами успокаивала и объясняла, что тигрица сама из-за рубца не родила бы, и спасти котят иначе, чем вскрыть живот, невозможно, она сознательно воина не убивала и мешала его атакам, чтобы он не вспорол живот неподходящим движением. Таким вот жутким образом она давала понять, что главное – спасти детенышей.

Здесь рассказ прервался, воин стоял с гордо поднятой головой, интуитивно сжимая тот самый клинок Мастера Сталь. Он был еще молод, но шрам на лице говорил о том, что уже многое успел повидать на своем коротком веку. Я не выдержал и спросил, а что же дальше случилось с Дрыгвямом? Улыбаясь, он сказал: «Это мой отец, а Дара моя мать».

Отец заново учился ходить целый год, но очень сильно хромает. Приручил саблезубых тигрят, теперь они вместо него охраняют селенье. Хотел подарить вам одного в знак благодарности, но они тяжело переносят летнюю жару. Эти тигры живут намного севернее их, а к ним забрели из-за большого голода, вслед за уходящими стадами оленей. Да и не тигрята они уже, заскучавши друг по дружке в незнакомом племени, могли уйти или не дай бог осерчать.

После пережитого по весне их племя, покинув зимнюю стоянку, ушло к морю, на свою летнюю. Затем были теплые зимы, и возвращаться на траурное место зимовки желания не возникало. Годы спустя, когда их племя немного окрепло, старейшина собрал совет и объявил: «Мы должны идти в долину предков искать железо, только оно даст настоящую защиту». В толпе прошелся ропот (тревожить духов), но противиться никто не посмел. И племя почти все лето провело в поисках железа. Большую смелость как напоминание о прошлом придавали жителям тигрята ростом с телята, которые резвились, как котята, играя с детьми в салочки, и носились в лесу, принося туши травоядных. Медведи обходили селенье стороной, а волки даже выть не смели.

– Это часть металла, что нашли, принесли, сколько смогли, если оно хорошее, то еще принесем по весне, – закончил свой рассказ юноша.

...

Да, металла было много и разного (все же семь воинов несли), я как мог объяснил им, какой на что годится. Увидевши всю в шрамах левую руку юноши, ею обычно, обтянутой грубой кожей, защищаются от укуса зверя, я не удержался и подарил наручи из белого легкого металла, надел ему на руку и еще дал десять наконечников для стрел. Показал свой лук, объяснил, как пользоваться, и-и-и подарил его, так мне хотелось дать что-то от себя, и еще из желтого сверкающего металла сережки для Дары (дед ковал для сваей пассии), все равно трепки не избежать, да и металла целая гора, думаю, дед сильно серчать не будет. Гости ушли на третий день, не дождавшись моего деда. Их селенье нуждалось в большем количестве воинов, тигры, конечно, охраняли надежнее, но доверять дикому от природы хищнику опасно.

Начало прогресса

Юноша, во голова ветреная, забыл даже спросить имя, так вдохновил меня своим рассказом, что не мог дождаться деда, чтобы заказать у него такой же клинок. От скуки я стал рыться в металлоломе, мне хотелось быть одновременно, как дед, ковать клинки, и как отец – быть воином и всех рубить. Внезапно накатила грусть, когда вспомнил, что отца и матери я особо и не помню. До чего кровожадны эти озверевшие интеллигенты!

Ну чтобы меньше влетело от деда, решил разложить все по сортам. Какие только железки не попридумывал древний человек: и коробочки, и куски полосок, скрученные в узор, и тяжелая штуковина – два блина, соединенные металлической палкой. Попробовал поднять – тяжелая, а вот когда отпустил ее, то она сама легко скатилась в овраг, полдня ее затем вытаскивал под крутой склон, она все норовила скатиться вниз. И еще поразил меня один круглый кусок железа, из него торчал круглый, гладкий сук, и его можно было вращать. Когда вращаешь, то внутри что-то гудит, как улей. Сверху находился квадратный выступ, на нем были какие-то знаки.

Любопытство так и перло из меня, что за пчелы могут там жить, не было ни единой щели, куда они могли залезть, и что за четыре бугорка по краям. Сомнений не было, что именно в них весь секрет, стал подбирать куски металла и примерять к крестикам. Я считал их магическими, если приложить к ним похожее, то оно и откроется. Так незаметно для себя я крутанул кончик острия ножа, и бугорок подрос, еще и еще, с каждым оборотом он вырастал, пока не выпал. То же самое произошло с остальными, на последнем обломался нож. Я был зол на себя: сломать нож, дед точно убьет. Бросил эту затею, пошел дальше перебирать железо, оказывается, блины с палкой также откручиваются. Но больше всего понравилось поднимать ее над головой, все мышцы так и гудят от ее веса. Когда потягал ее с полчаса, все тело онемело, вены вздулись, словно корни деревьев. За этим занятием застал дед. Он давно наблюдал со стороны, как я тренируюсь. Подошедши ко мне, взял за плечи, осмотрел мои мышцы и крепко прижал к себе, заплакал.

– Как рад был бы отец, увидь тебя такого. Настоящий мужик. А что это за штука, которую ты так красиво поднимал?

– Это, это штанга какая-то, – придумал название я на ходу. – Приходили из затерянного северного селенья, принесли много железа в знак благодарности за твой клинок и сказали, что весной еще принесут.

Немного помолчал, добавил:

– Я отдал им свой лук и стрелы, они не знали даже, что это такое.

Про сережки решил рассказать потом, вместе и про тигра, и про Дару.

– Молодец, – сказал дед. – Мы должны друг другу помогать и учиться, кто во что горазд. А что нож сломал, не горюй, если по делу.

Нож предательски лежал на камне возле землянки. Я чуть не подпрыгнул от восторга, что так легко отделался за нож, и тут же вспомнил про улей.

– Деда, идем сюда, нечто покажу, вот здесь внутри что-то жужжит, когда крутишь. Я вот открутил штучки и сломал нож. А дальше не знаю.

Мастер Сталь внимательно осмотрел болтики, сдвинул на железяке силой крышку в бок, там были еще две таких же шляпки. И странные знаки красного «+» и синего «-» цветов.

– Знаешь, я и не думал, что эти болтики можно открутить, я считал их просто заклепками и срубал зубилом.

– Деда, что так долго ты не было? Я стал волноваться, и Светлич заходит каждый день узнать про тебя.

– Нашел я уголь для печи, огромный холм, сбоку ручей размыл землю, а там много-много его, видимо, древние складировали его в террикон, с годами он зарос. Завтра пойду старейшину просить, кабы дал людей в помощь заготовить угля побольше, одному не под силу.

Вдохновленный, что не получил взбучки, я принялся крутить дальше. Когда я выкрутил внутренние болтики, ничего не произошло, никто не вылетел, тогда я всунул в отверстие от болта кусок проволоки и покрутил вал, надеясь выгнать пчел наружу. Рука непроизвольно дернулась, и проволока полетела в лицо деда.

– Может хватит? Ты мне глаза чуть не выколол.

– Я не виноват, это они кусаются.

– Где, кто они? – подошел поближе. – Покажи-ка.

– Ага, теперь сам сунь проволоку.

Мастер взял проволоку и стал ворочать ее в дырке.

– Ну и?

Я от досады крутанул вал, насколько было сил. Раздался рев деда, что мне показалось, это тот самый саблезубый тигр пришел сюда. Мастер отскочил шагов на пять, споткнулся и упал прямо в мой костер. Еще долго кричал дед, пока не сел в долбленое корыто с водой. Сидя в корыте, продолжал кричать, чтоб я бросил этот улей в огонь, глядя сердитым взглядом. Я, украдкой улыбаясь, умолял, сдерживая смех:

– Не надо, они ведь не вылетают, я за ними присмотрю.

– Ладно, – немного погодя, согласился дед.

На следующий день дед изготовил мне отвертки, ключи для восьмигранных болтов, и работа у меня закипела, разбирал все, что было возможно, но более ценного, чем улей, так и не нашел. Вечером, сидя у костра, я рассказал о Дрыгвяте и Дарии. Дед долго молчал, затем встал и ушел в землянку, вернулся, неся в руках металлический серебристый ящик. Не торопясь, открыл его и достал книгу, думаю, такое никто не видел. Он бережно передал мне. Она была очень стара, от прикосновения края слегка шелушились. На ней также были какие-то непонятные знаки.

Раскрывая ее, с трудом отделял страницы, они слезались так, что казались единым целым, там было много рисунков. Дед помог открыть страницу где-то в середине книги, и я остолбенел: там была печь, как в кузнице, сложенная из камня. Еще рисунки показывали, как люди, такие, как мы, в шкурах, ковали копыя. Книга потрясла до глубины души, я хотел спросить у деда, но он опередил, закрыл книгу, положил в ящик и отдал мне.

– Она твоя. Внучок, ты уже вырос достаточно, чтоб понять все, что тебе расскажу. Мы с Яной, твоей бабушкой, прожили недолго, из-за ее любопытства она и погибла, оставив эту книгу. Она не любила бабскую работу по дому, копаться в земле, сбор ягод и при возможности уходила со мной на охоту. Я тогда, как и все, был охотником, и мы подолгу бродили по лесу, ночевали неделями под открытым небом. Она находила диковинные сучки, коряги, затем скоблила камнем, и получались диковинные зверюшки. Однажды в погоне за зайцем она нашла лаз в холме, похоже, что построенный древним человеком, но там оказалось логово волков. Я не стал тревожить волчат, опасаясь мести волчицы. Сколько раз Яна просила меня сходить с ней туда, я все не соглашался, вот и решила идти туда одна, – дед замолк, сидел мрачнее тучи.

– Я два дня искал ее по всему лесу, пока не нашел растерзанную, лежащую лицом вниз, когда повернул ее, она прижимала к груди этот ящичек, как будто знала, что она держит самое ценное на свете. Теперь мы умеем ковать сталь, делать лодки, ткать ткань. Короче, прошлое повторяется, идет по кругу.

– Деду, а как тебя нашел тот воин, которому ты клинок дал, ведь ты говорил, что людей больше нет, только мы одни, точнее, три наших селения?

– Я думал так же, пока в очередном поиске за металлом не вышел к Большой Реке или, как ее называют иногда, Кривине, на тот берег не помню, чтоб кто-то ходил, больно широка она, и вдруг вижу, на той стороне стоит человек и машет рукой. Я думал, снова дикие люди появились, в ту пору они попадались иногда. Этот человек разделся и полез в воду, за ним вскорости из леса выскочила стая волков, также бросилась в реку. Подплывая ко мне, он все кричал, чтобы я убежал, а звери уже наседали на него. Последней стрелой убил одного, но их не остановила гибель вожака, затем я вскочил в воду. Стоя по пояс в воде, знал, что их лучше бить сейчас, пока они не коснулись лапами земли. Беглец выбежал на берег. Собирая крупные камни, он

бросал их в волков и кричал, что надо убегать. Волки плыли прямо на меня. Благо что пока переплывали, они растянулись в цепочку. Я методично одного за другим отправлял дальше по реке прямо к праотцам. Три волка все же, выскочив из воды в стороне, побежали к беглецу, он яростно защищался, взяв в руки по камню, и бил наотмашь руками, не давая сделать волкам удачного прыжка. Пока я расправлялся с последним, вновь приплывшим гостем, те два волка уже прижали воина к обрыву. Я громко свистнул и опустил руки за спину, пряча клинок, упав на колени. Волки обернулись, завидя меня в нескольких шагах с пустыми руками, они бросились ко мне. Я сделал выпад вперед, выставив правую руку в железной наручи (потому что дед левша, как и я), встретил открытую пасть. Зубы со звоном клацнули об наручи, выворачивая набок руку, выломал ему пару клыков и левой нанес удар в живот, отскочил в сторону, но это было излишне. Беглец метким ударом камня в голову сбил атаку второго волка, с залитыми кровью глазами он свалился в воду, течение подхватило и унесло за поворот.

Здесь вот так и познакомились. Разложили костер, мы весь вечер вели разговор о своих селеньях, о беде, что приключилась у них.

Однажды зимой к ним с севера пришел монстр, охотники иногда видели их и раньше, когда сильные морозы прогоняли стада оленей с их обжитых пастбищ, но они сразу и уходили с первой оттепелью, а этот остался. Наведываясь в деревню, он раз за разом убивал людей. Вот и ушел охотник подыскать новое убежище подальше от напасти, да волки на след сели, вначале один, затем и вся стая. Четыре дня умудрялся выскальзывать от них, пока не прижали к Реке.

Я подарил ему свой длинный клинок и железные наручи, показал, как лучше держать оборону, наносить удары. Ночью, глядя на звезды, определили направления, где лежат деревни и сколько дней ходу. На том и расстались, обещая по весне сходить в гости. Воин на прощание предложил объединиться, ведь в их селении к весне, если не убьют монстра, останутся одни крохи из бывшего могучего племени Панков.

– Как-то странно они себя называют, – перебил я дедов рассказ.

– Когда-то существовала могучая цивилизация, умом не постижимая. Работали они только головой, придумывая все новые и новые механизмы и аппараты, а физическую работу выполняли железные роботы, которые сами себя и собирали из кусков ковального железа. Но ничего не бывает в мире просто так, для содержания роботов нужна энергия, это как мы едим мясо, а у них она невидима, но очень огромная. Для этого людям приходилось много думать, чем сложнее аппарат, тем больше необходимо светлых голов. Но находились и такие как наши предки – Бомжи да Панки, еще был и Гринпис, но их никто не встречал. Так вот, за то, что все они не хотели работать и думать, их свозили сюда, в место, нареченное «Россия». Здесь предкам устроили большие деревни-города.

– А где сами интеллигенты жили?

– Нигде, просто жили в своих виртуальных домах, которые могли летать по воздуху в любое место на Земле, поэтому и нет останков жилищ нигде, одни не зарастающие круги.

– А что такое виртуальные?

– Это вроде видишь, а потрогать нельзя – пустота. Как отражение в воде. Только и воду не ощущаешь.

– Во хрень, вроде все могут, а спать на земле приходится. Ха-ха. Так значит Россия – это здесь?

– Не знаю, если учесть, что привозили отовсюду, то это должна быть большая часть земли. Да и мы называем себя Бомжами, получается, здесь, правда, за тысячелетия племя много кочевало. Я помню, родился сам где-то в степи, затем нас потеснили к северу стаи шакалов, затем были двуногие монстры, и снова пришлось подыматься севернее. Старики в ту пору говорили, что вернулись на Родину, то есть сюда.

– Если пойти в одном направлении, к краю земли за месяц дойдешь?

– Говорят, что и за год не дойдешь, да еще поговаривают, она круглая. Как Луна, она как росинка на листочке. Только что-то мне самому не верится, глупости все, круглая, вон какие взгорки и низины.

– Неужто правда они летали к звездам?

– Ну, легенда говорит, что да, более того, они даже поселились на других звездах.

– И я хочу к звездам.

– Да, внучок, что-то есть здесь завораживающее, тянет и меня к ним, наверное, там рай, начало новой, спокойной жизни. Хорошо там, – помолчав, добавил: – Где нас нет.

– Может, и хорошо, потому что нас там нет, – сострил я.

Дед посмотрел на меня лукавым взглядом, улыбнулся.

– Старейшины слова? Слышал пару раз от него. Может, и вправду, как только человек появляется, так сразу проблемы.

– Не, он говорит, «что где-то лучше, а поживем – там и видим, везде есть проблемы, опасности. Например, на севере – мороз и монстры, зато есть мамонт. На юге тепло и много вкусного, но там тьма рептилий».

– Не знаю, не знаю, – задумчиво сказал дед, – чьи слова правдивее.

– Много ли еще осталось людей? Я знаю пару соседних селений и это все?

– Возможно, да. Как гласит легенда, передающаяся из поколения в поколение, после исчезновения магии энергии воцарился хаос, дикие звери, жившие на определенных территориях, огражденных забором магии, освободились, и никому не было покоя от них, пока они не разбрелись по всей земле. За эти столетия выжившие люди одичали, ведь они не умели даже развести костер, не то что сделать лук и достать себе еды, все за них делали роботы. Они не знали простых вещей, только бомжи да панки и выжили благодаря проживанию в деревнях на природе, а так как они находились в одном месте – России, – то, наверное, мы и остались одни. Последние пятнадцать лет не слышно даже о диких людях. В начале апокалипсиса от массового мора людей прокатилась волна эпидемий, которая выкосила остатки населения, чудом выжившие в первобытных условиях. Последующие столетия шла борьба за территорию с дикими людьми и зверьем, что практически одно и то же. Еще добывали суровые зимы, без защиты мы были, как младенцы.

– Надо было идти на юг.

– Конечно, бомжи, получив свободу, все устремились в теплые края, но не тут-то было, там в благоприятных условиях ящеры расплодились с невероятной скоростью, как вдруг к ним на пир пожаловал деликатес – человек. Еще оказалась проблема с питанием, мясо ящера жесткое и горькое, рожь не растёт, а пшеница уничтожалась полчищем саранчи. Вот и вернулся весь остаток люда в Россию, живя меж ящерами и северным морозом с лохматыми монстрами.

Были дальние селенья, по месяцу ходу на запад, да вот уже столетия, как перестали приходить гонцы, последний раз их видел мой дед. А вот диких людей с твоего рождения уже не стало. Поздновато мы с твоей бабушкой открыли секретковки железа. Это ее заслуга, если б не нашла книжку, наверное, и мы бы уже канули, теперь наши селенья перестали вымирать. Вот объявилось еще племя панков, даст бог, глядишь, и мы встретимся и заведем новое потомство, ох как нужна нашим племенам новая кровь. Ты же видишь, как часто рождаются дети мертвыми. Это еще одна из причин одичания людей.

– Это как? – удивился я.

– Потому что когда человек рождается глупым, он как правило сильнее своих сверстников, он агрессивен, менее чувствителен к боли, через силу он подчиняет себе свое поколение, а когда правит сила, то добра не жди.

– Как гласит древняя поговорка: «сила есть, ума не надо».

– Также умный и хитрый человек, склоняя к себе таких идиотов, сам становится заложником. Он боится их, и приходится быть самому агрессивным, жить по закону силы, а убивая себя подобных и не угодных, ты становишься, как они.

– Так поэтому волхв давал отвар грибов Тугодуме. Я ненароком набрел на них за селом, возле кладбища.

– Да, в наше время – это суровая необходимость, не дай бог, он бы вырос, пусть даже и спокойным, но он мог перепортить всех девок, и кто тогда родился бы? А силище какая у него, взрослого воина Ариста изувечил, хотя самому двенадцать только стукнуло. Он родился от дикого человека, старейшины думали свежей крови добавить в племя, когда уговорили его мать провести ночь с пленным дикарем, правда, она и сама была не прочь, потаскуха.

– Вырасту, обязательно обойду всю землю и соберу всех оставшихся в единый народ, в единый город. Тогда и звери, и дикие люди нас не потревожат, и выродки рождаться не будут.

– Хорошо бы, но одному тебе не под силу, а вот свое племя увеличить до размеров города задача трудная, но выполняемая, надо только лучше защищаться и открывать новые изобретения, и с веками отродится род людской.

– А интеллигенты кто такие?

– Это все остальные мудрые люди, просто без магии они не смогли выжить, а кто чудом уцелел, одичали, не приспособились к новой жизни. Так все, что знало человечество, было утеряно бесследно.

– А вот это! Оно сохранилось, деда, надо поискать еще! – тряся книгой, я чуть не кричал в отчаянии.

Дед крикнул что-то напоследок, погладил меня по голове и ушел спать. Я остался сидеть в раздумье всю ночь.

Наутро я попросил деда сделать мне самый тонкий нож, а сам занялся «жужжалкой». Что только я не пихал в нее, пока не понял, что если крутить потихоньку, кусаются пчелы совсем чуть-чуть, ну а если сильно, бр-р-р, даже в глазах темнеет. И кусают они только через металл. Выкрутивши сбоку большой болт, я протянул туда проволоку, но сначала обмотал берестой и прикрутил к «+» и «-». В валу обнаружил дырку, туда вставил проволоку потолще и согнул, получилась неплохая ручка. После обеда дед, уходя на совет, вручил мне нож. Он был тонкий-претонкий, как крыло стрекозы. Разложивши книгу на камне, я стал аккуратненько, сантиметр за сантиметром, разнимать листочки, просовывая лезвие ножа в едва заметные просветы меж листов, и предо мной открывался сказочный мир, как будто в окошко подсматривал за человечками из прошлого.

Вот идут они с дубиной и копьями, убивают кого-то в яме, судя по хоботу, наверное, мамонт, затем уже из лука стреляют косулю, а вот, сидя на безрогом олене, машут веревкой с петлей. Многие листы рассыпались, и я плакал в отчаянии, слеза упала на страницу, она намокала и растворялась. Везде были знаки, знаки и знаки. Они повторялись много раз, меняясь местами. Это точно были не узоры и не животные, а что-то еще ускользало от меня. Так я и уснул возле камня, и снились мне странные короткие звуки, то резкие, то мелодичные, то звонкие, то наоборот глухие.

Утром проснулся в землянке, дед перенес меня, как младенца, хоть и стар он уже, но кузнечное дело держало его в силе. Потягавши штангу, снова принялся за книгу, к концу дня я развернул ее всю и пригласил деда.

– Деда, я вот на песке нарисовал знаки, которые нарисованы в книге. Их совсем немного, просто повторяются вразнобой, а вот другие, которые пишутся отдельно, вот этих – их еще меньше.

Дед внимательно глядел то в книгу, то на знаки на песке. Долго думал и вдруг как засмеется.

– Ай да внучок, ай да молодец! Знаешь, что это – это речь! Речь нарисованная! Вот умники были. Вот смотри, это слова-звуки! – стал показывать дед в книге. – Мы как говорим, например, ру-ка, де-ре-во. Так? Только какой звук как здесь нарисован, это нам не узнать.

– А это цифры для счета! – предположил я. – Если их расположить, как на страницах, мы узнаем, как они пишутся по возрастианию.

– Вот тебе и занятие по душе, – рассмеялся дед, хлопая меня по плечу.

Первые изобретения

Прошел месяц. Я все гудел, шипел, кричал, но мои звуки никак не складывались в слова людей, дети и взрослые смеялись надо мной. Если рисунок был понятен, и написанное слово по количеству знаков совпадало с нашим количеством звуков, то эти знаки, подставляясь в другое место, читались абракадаброй. С цифрами разобрался быстро, даже научился складывать и отнимать. Со звуками не получалось, решил отложить на потом и заняться картинками. В конце книги отдельно лежал толстый листок, картинки были неточные, неровные, да и краски другие. Видимо, рисовал их ребенок. Как мы с дедом поняли, это инструменты: топор, молоток, нож и еще тонкие иголки со шляпками, а самое интересное – это нож с зубами, как у волка, и почему-то с двух концов ручки. Долго уговаривал деда сделать такую штуку (он жалел металл), пока не надоел я ему, и он не пообещал, что если не разберусь, то сам лично перекою, во что он пожелает. Для чего ЭТО, мы не догадывались, но через пару дней «зубатка» была готова. Ходили мы с ней долго, примеряли ко всему, пока не протянули по дереву, это был успех, спилили дерево вмиг. Дед был очень доволен, забрал зубатку на доводку, чтобы лучше пилила. Я, глядя на штангу и в книгу на рисунки, сделал тачку. Из колотых плашек связал короб и поставил на штангу, это был триумф. С детьми день напролет мы катались с горки, к вечеру устали, как загнанные лоси. Штанга-то почти мой вес, а мне вот осенью стукнуло 16 лет. Пока мы катались, взрослые, глядя на нас, напилили кругляшей от толстого дерева и сделали первую повозку на двух колесах. Поздно вечером, когда я наконец, грохоча тачкой, вернулся в землянку, дед сообщил волнующую новость:

– Завтра совет старейшин. Прибыли к нам и из соседних селений гости, и наш мудрейший Светлич пригласил тебя с книгой древних на совет.

Я стоял, как вкопанный, я – и на совете старейшин! Туда не допускался никто, только старшие члены рода и пару следопытов. Дед был сам «младшим» старейшиной.

– Деда, а что мне говорить? Я не отдам книгу ни за что.

– Не бойся, книга твоя, отбирать никто не будет, просто покажешь картинки, расскажешь, что означают.

Всю ночь я не мог уснуть, я представлял себя с бородой, сидящим во главе совета, как встаю, стучу посохом, а все кругом слушают, затаив дыхание.

Утром, измученный бессонницей, шел на совет, не закрывая рот, зевота одолевала. Дед шел позади, торжественно неся пилу. Проходя возле речки, он ловко выхватил ящик с книгой из моих рук и подставил мне подножку. Я кубарем с обрыва влетел в воду, пока доплыл до пологого берега, сна как и не бывало. Я был зол на деда и всю дорогу не разговаривал.

Вот и совет. Он проходил на поляне за селом. Там находились расставленные по кругу плоские камни, покрытые мехами, по центру горел костер. На костре жарился кабан, воин медленно поворачивал тушу и поливал настоем трав. Запах разносился по всей округе, аж в животе заурчало. Пришли старейшины, каждый подходил к кабану, отрезали куски мяса и рассаживались на свои камни. Мне камня не досталось, пришлось сесть в стороне, правда, кусок мяса воин мне преподнес. Разговор шел долго и нудно, сначала о том, как кто прожил год, сколько родилось детей в селеньях, не докучают ли хищники (будто наши воины, да и их воины тоже каждый день не бегали к девкам и никто не в курсе всех событий). Вспомнили с облегчением, что давно никто не видел диких людей. Затем все разошлись немного размять ноги. После этой болтовни мне показалось, что совет собирается тогда, когда есть кабанчик, которого можно съесть.

После полудня собрались снова. Первым слово предоставили Мастеру Сталь. Дед поднялся, важно вышел на центр круга и поднял над головой пилу.

– Вот эту вещь я недавно выковал по книге древних. Благодаря моему внуку Рыжику, который сумел раскрыть секрет картинок, мы также изготовили телегу на колесах для перевозки груза.

Из-за кустов один воин выкатил тачку, наполненную горой камней, он шел, улыбаясь, стараясь делать вид что совсем не тяжело. Все старейшины и достойные воины соседних племен вскочили с мест, подходя к тачке, каждый пробовал ее прокатить. Восхищения никто не скрывал, затем, рассевшись по местам, старший старейшина Светлич обвел остальных взглядом, все качнули головой.

– Рыжик, подойди сюда.

Я, затаив дыхание, шел, как на казнь, опустив голову.

– Ты сын великого воина Владимира, павшего, защищая наше село от диких людей, внук Мастера Сталь, скажи, правду говорят, что ты умеешь видеть творенья древних?

– Да, – с трудом произнес я. – Я только немного пока понял, да и де... – запнулся я. – Мастер Сталь многое подсказал. С цифрами получилось быстрее.

Я стал объяснять, как бы извиняясь, показывая картинки. И здесь меня понесло, я показывал картинки, бегая по кругу, объяснял, что они обозначают, как тягал штангу. Как целый месяц блеял, мычал, шипел, хотел научиться читать слова. Старейшины только улыбались. Затем Светлич жестом остановил меня, а то неизвестно, когда закончил бы.

– Рыжик, ты недостойн больше носить это имя.

Я чуть не упал от остановки сердца.

– Подбери себе более достойное благородное имя, ты уже не мальчик, ты мудрый не по годам юноша. Занимайся и дальше начатым делом, оно как ничто другое очень нужно нашему народу. А теперь подойди к повозке и выбери камень, на котором ты будешь восседать на совете.

Это меня добило окончательно, с дрожью в теле я подошел к повозке, на ней лежали какие-то мелковатые камни, стал упорно разгребать. В этом занятии так увлекся, что забыл, где и нахожусь. Откопавши огромный камень, с трудом уронил на землю и, как муравей, стал то катить, то толкать, ворча, как зверь, тянул изо всех сил. Все вокруг смеялись, сползши с камней. Но меня это ничуть не беспокоило, я упорно дотянул его до места возле деда. Расстелил шкуру рыси, что подстрелил сам, гордо уселся, держа в руках книгу. Старейшина из соседнего селенья сказал громко.

– Ну ты малы не промах, у меня и то поменьше, – весело рассмеялся.

– Да, упорства ему не занимать.

– Молодец, так держать.

– Какой труд, такой и трон.

Смех и колкости долго не смолкали. Светлич поднял руку, все стихли.

– Что еще добавишь, Мастер Сталь?

Дед поднялся, обвел всех взглядом, прошел на центр круга, сел на повозку.

– Уже зима на носу. Месяц назад я вернулся из похода, ходил далеко на запад, обнаружил там большой холм с углем для моей печи. Имея сейчас повозку, прошу совет отправить по два воина из каждого селенья со мной, чтобы успеть до зимы вернуться назад. На такой повозке можно привезти в десять раз больше, чем я один смог принести. И еще к нам приходили с далекого севера воины, которых мы не смогли найти семнадцать лет назад, у них много есть собранного железа. Говорили, что принесут еще по весне. Но они практически не знают, что такое топор, тем более, пила, нет приличных ножей, лук со стрелами подарил им Рыжик. Они очень пострадали от огромной кошки с не меньшими клыками. Лишних воинов нет, чтобы с меньшим риском идти к нам, тем более, оставить жен и детей.

Мастер Сталь замолчал. Дал время поразмышлять о сказанном.

– Продолжай, – сказал Светлич.

– Нас здесь больше, надо идти нам. Железо – оно стоит этого. За зиму можно наковать всего, что еще откроет нам книга древних.

– А кто укажет дорогу?

– Я смогу найти след, – сказал Следопыт. – Он еще свеж.

– Я попросил их ставить почаще метки на деревьях после себя, – не удержался я.

Старейшины загомонили, высказывая одобрение моей дальновидности.

– Но в два похода нужно больше людей, – произнес волхв Радимир из соседнего села.

– Да, но там чужие девушки. Надо родниться, вольется новая кровь в наши народы, – произнес молодой воин, который жарил очередного кабанчика.

– Кому железо, а кому девки, – не преминул уколоть Радимир.

И все взорвались дружным смехом.

– Да, железо – это жизнь и защита, но на два похода мы людей не соберем, тем более, не зная дороги. Если у них кошки с лося и клыками, как у мамонта. Нет, – сказал Светлич.

– Я проведу малый отряд и создам защиту от зверя! – вскричал я. – Они мне три дня рассказывали о своем походе к нам. И еще, еще... я сейчас, – крикнул на бегу.

Я бежал, не глядя под ноги, уже изрядно стемнело. Спотыкаясь, прибежал в землянку, схватил жужжалку и назад. На совете никто ничего не понял, но не расходились.

– Вот сейчас, минутку, уже-уже, – бормотал я вслух.

Я поставил на повозку генератор, вокруг повтыкал в землю колышки и нацепил проволоку.

– Все. Попробуйте, подойдите ко мне, – бросил я вызов. – Кто смелый?

– Ты, внучок, сильнее крути, как для меня, – дед догадался, вспоминая свои ощущения, улыбаясь во весь рот.

Следопыт, ничего не подозревая, ринулся вперед. Думал, что этот заносчивый юноша хочет побороться, чтобы взяли в поход, тем более проводником. Подойдя к проволоке, решил просто наступить, и в это время Рыжик крутанул что было сил. Над поляной пронесся вой, Следопыта отбросило шагов на пять, упал навзничь, чуть дыша. Все вскочили с мест. Дед реготал, валяясь возле камня. Все подходили с опаской, а я крутил тихонько, как только дотрагивались до проволоки, сразу отскакивали, как ошпаренные. Затем рассказал, как это кусает.

– Уважаемый совет, я показал жужжалку, которая может защитить нас в походе. Только пусть мастер Сталь изготовит проволоку подлиннее, чтобы можно было обнести всю стоянку, когда останавливаться будем на ночлег.

– Да, с такой штукой можно и воинов не брать, – сказал, очухавшись, Следопыт.

Совет продолжался еще до утра. Дед отправил меня с жужжалкой спать. Да я и сам был не прочь, прошлую совсем не спал.

На север

Сборы были недолгие. Дядька Михась с дедом соорудили две крепкие повозки, на оси надели металлические трубы и смазали жиром и на колеса взбили обруч. Одну, которая шла на север, загрузили, кроме провизии, еще металлоизделиями, положили пять топоров, две пилы, ножей, наконечников стрел, копий... И, конечно, жужжалку с проводами.

С дедом, правда, повозились, изготавливая проволоку, никак не хотела получаться длинной, уголь почти весь спалили. Пока сидели у шалаша, внимание деда привлекло, как дети лепили из глины чашки.

– Точно, во балда, глина ведь не горит, – осенила мысль мастера.

– Давай, внучок, принеси побольше.

Принеся глину, мы сделали чашку, просушили, в дне оставили тонкое отверстие. Затем, держа её над водой, внутрь дед заливал расплавленный металл, он струйкой вытекал прямо в воду, проволока вышла отменная. Все кусочки железа подобрали и сплавил вместе, но лучше всего получилась из белого металла. Легкая, мягкая и плавилась легко. Приготовили проволоки шагов двести. Потом я ночью провел испытания, подстрелил зайца и привязал к дереву, а сам залез на него. Правда, крупных хищников не было, а вот лису даже убил. Все, я был готов со своей жужжалкой на все сто. Следопыт вернулся из разведки. Пока шла подготовка, он решил налегке разведать дорогу, дней так шесть-семь до Большой реки, чтобы легче с обозом шлось.

Стояла теплая осень. Тропинки были все крепкие, сухие. Из соседних селений пришло шесть человек. На север шли четверо, по одному от племени: Радимира – рослый здоровяк под два метра, Зверобой. От племени Лютова – низкий, коренастый Донжуан. От нашего двое, я и Следопыт. Остальные за углем с дедом. На запад уходило шесть человек. Так как это было ближе, и воины могут быстрее вернуться в селенья, да и точно знали, что там очень много угля, а вот насчет железа были сомнения. И вот настал час отхода, провожали всем селом. Дед долго прижимал к себе, затем сказал:

– Береги себя, книгу без тебя никто не прочтет, а это самое важное для народа.

– И ты, дед, аккуратнее, кузнецы тоже нужны, – пошутил я.

– Кузнецом мне недолго быть, уже ишу замену. Вот покажу, где есть уголь, и можно на покой. А тебе много надо сделать, ой как много.

Так и стояли, обнявшись, словно прощались навсегда.

Вот обоз двинулся, мы спускались по склону, тачка катилась сама, и я предложил всем присесть на нее, сам бегом с горы с трудом успевал переставлять ноги, умудрялся управлять ею. Так по очереди с каждого склона мы катились с ветерком. Было очень весело. Таким темпом затратили на два дня меньше на то, что Следопыт разведкал за семь. Зверобой оказался не только огромным, загорелым с медным отливом кожи, но и медлительным, разговаривал как-то с расстановкой, шуток особо не понимал, но делал вид, что смешно. В отличие от его, Донжуан был полной противоположностью, такой шустрый, коренастый и веселый, без подколок никак он не мог, чем постоянно раздражал Зверобоя. Через четыре дня вышли к Большой реке.

– Вот и Кривина, – произнес Следопыт.

– Да, за нее никто не хаживал, – добавил Зверобой.

– А почему? – удивился я.

– Да потому. Зачем лезть в воду, в чужой лес, когда дичи и здесь хватает? Допустим, переплыву, подстрелю крупную дичь, и что с того, как назад ее доставить?

– Кстати, как мы туда с телегой? – вопросительно сказал Следопыт, подумал, добавил: – Телега деревянная, но груз тяжёлый.

– Вот завтра и придумаем, а сейчас жрать и спать, – буркнул Зверобой.

Ночь выдалась спокойная и теплая, все небо усыпано звездами, периодически они падали, оставляя на миг светлый росчерк света, а то просто яркая вспышка гасила соседние звезды. В это осеннее время каждый год они сыпались на землю золотым дождем, пора звездопада означала большой урожай в следующем году, если верить Светличу. Хотя если нет облаков, то урожай обеспечен всегда, количество падающих звезд всегда большое, разница только в том, видим мы их или мешают погодные условия. Я однажды это сказал старейшине, за что получил по уху. Да еще интересный вопрос: звезды – это солнце, но очень далекое, если приблизить, то оно спалит Землю, тогда как они могут падать на нас, не убив? От размышлений стало не по себе, что если одна звезда окажется крупной и упадет на нас.

Сквозь тишину послышалось журчание реки. Что нас ждет на том берегу, смогу ли я защитить отряд? Меня охватывала тревога, в дополнение к этому над рекой разнесся жуткий вой волка. Вскоре взошла Луна, полнолуние осветило гладь воды, вдали на другом берегу мне показалось, что кто-то стоит, прячась меж деревьев, исполинское в белом одеянии. Вскочив на ноги, я растолкал ребят.

– Смотрите, кто это?

– Где? Где? – заспанные бормотали они.

Закон подлости сработал великолепно. Пока я показывал направление, туча заслонила луну, и все исчезло.

– Вон там, я точно видел, – указывая рукой, шептал я. – Там стояла дева, огромная, вся в длинном платье от головы до ног, сверкая в лучах луны.

– Померещилось тебе, юноша, – заворчал Зверобой.

– Нет, нет, точно было, – не унимался я.

– Это еще одна из причин, по которой не стоит туда шастать, – загадочно буркнул Следопыт, повернувшись на другой бок.

Долго еще я смотрел на тот берег, пока дрема не свалила. Иногда казалось, что снова появлялся силуэт, но будить уже я не стал. Наутро разглядеть противоположный берег было невозможно, все укрывал туман. Я стоял, всматриваясь в белесую пелену.

– Не горюй, переправимся, там посмотрим поближе, что это за дама, – предложил Следопыт.

– Легко, – подхватил Донжуан. – Я подход к ним знаю. Подняв этим настроение, мы спустились к реке. Осень есть осень, как бы не светило солнышко, вода была прохладна. Когда спустили повозку на воду, она с трудом держалась на плаву. Привязав к телеге веревки, разделась, одежду сложили поверх всего. Ухватившись за веревки зубами, мы изо всех сил поплыли на другой берег. Течение к середине стало настолько сильным, что нас сносило все дальше и дальше от моего исполина. Вот и берег, мы еле держались на ногах, дрожь по телу не останавливалась. Мерзлыми руками, как крючьями, пытались одеться.

– Сей-час бы ор-ре-хов ме-ме-шок, в раз раз-згры-зли, – сквозь звон зубов произнес Донжуан.

У всех расплылись улыбки, оголив зубы, которые еще громче застучали. Смех и лязг зубов слились воедино. И никто не мог остановиться от этого заразного смеха. Наконец одевшись, распалив костер, немного согрелись. Следопыт отправился разведать дальнейшую дорогу, вернулся к вечеру.

– Крупно мы попали, унесло нас далеко, с трудом нашел следы воинов. Так что к твоей зазнобе-великанше заглянем на обратном пути, с телегой туда нам не пробиться, один валежник, даже звериных троп нет.

– А если она уйдет отсюда? – вкрадчиво произнес я.

– Ну если уйдет, скатертью дорога, – буркнул Зверобой.

– Она не уйдет, ее многие видели, – сказал Следопыт. – И твой дед видел. Еще неизвестно, кому будет хорошо от встречи.

– Вот, согрейся, брага высший сорт, – встрял в разговор Донжуан, доставая курдючок.

– О, это дело!

Костер пылал высоко, всем было хорошо, особенно после браги. Зверобой со Следопытом наперебой рассказывали про охоту, а Донжуан вставлял едкие издевки, что они вдвоём его хотели снова в воде искупать. Меня это забавляло, так и уснул, не зная, чем это закончилось.

Снилась мне красавица, высокая, длинноволосая, в волосах ее светились звездочки. На ней было платье аж до пят, белоснежное, с золотыми узорами. Яркое сияние светилось на груди, удивительный крест с удлинённым нижним лучом. Голос ее был, как звоночек, мелодичный, звонкий и протяжный, может, это и не голос, а перезвон множества колокольчиков, манящих к себе. Все тянет и тянет, будто говорят, обязательно приди сюда, я открою тебе великую тайну, я покажу тебе мир. Я научу тебя читать знаки. И вдруг небо стемнело, и раздался дикий смех, голоса. Голоса такие близкие и знакомые, и хлынул ливень. Я проснулся, вскочил на ноги, ребята, обступив меня кольцом, поливали водой.

– Слышь, не покидай нас, – смеясь, сказал Донжуан. – Ты еще молодой, чтоб за какой-то Софией бегать.

– Уведет тебя от нас великанша, а кого деду возвратим?

– А его София на руках вместе с внуком принесет.

– Дураки вы все, – огрызнулся я. – Может, это вещий сон.

Спас

Каждую ночь я расставлял проволоку, и по очереди дежурили у жужжалки. Все было так спокойно, что я уже в душе стал отчаиваться, что друзьям не покажу жужжалку на деле, особенно своим смешным поведением докучал Донжуан. На шестую ночь все-таки началось.

С вечера вдалеке появилась огромная стая волков. Они спокойно, легкой трусцой бежали на нас, чувствуя свое превосходство, в ста метрах нас окружили и стали сжимать кольцо. Мы уже стали на ночлег, оборону я приготовил. Друзья стали в шеренгу и разом выстрелили из луков. Стрела Зверобоя прошила волка навывлет, Донжуан попал в глаз, меткий, однако, хотя и тощ. Я присоединил проволоку и был готов, сердце колотилось, как у зайца. Звери взбунтовались и ринулись на нас, стрелы воины выпускали с методичной точностью, рука Донжуана, заряжающая стрелу, расплывалась в движении. И вот волки зацепили провода, то, что произошло, это надо видеть. Волки отскакивали и падали, кто попадал к нам за провод, спешили убежать назад и натыкались снова, они беспорядочно метались, пока не умирали от ударов тока или от стрел. Проволока, соединяясь, искрила. Один волк загорелся и с воем бросился бежать в лес, но хорош Следопыт, подстрелил его, пожара было бы не избежать. Волна стихла, до рассвета мы спали спокойно.

Утро осветило картину «гибель Помпеи». Двадцать три трупа валялись в разных положениях. По количеству волков мы поняли, что в живых осталась пара штук. Этот бой подтвердил слова северного воина, здесь волки ходили большими стаями, которые могли обложить мамонта, зубра, шерстистых носорогов... Донжуан лично пожал мне руку и попросил извинения за недоверие к моему аппарату. Потеряли семь стрел, было решено в дальнейшем стрелять только по тем, которые перепрыгнут провода и продолжают атаку, если станут убежать, то снова попадут на провода, и стрелы останутся на месте. Видно, шума мы наделали много, зверье обходило стороной, да и Зверобой забрал опаленного волка с собой, копоть его отгоняла всех, пока он не завонял.

На тринадцатый день все повторилось. Среди ночи раздался треск сучьев и тяжелый топот копыт, к нам приближался монстр. Он летел, не сбавляя скорости, и я не успел крутануть ручку, как монстр порвал провода и вперся в костер. Это был бык, старый, одинокий, изгнанный или отбившийся от стада зубр. Мы смотрели друг на друга. Все стояли с луками, никто не догадался взять копьё. Но наше противостояние нарушил шум в лесу, к нам приближались волки.

Я рванул туда, откуда прибежал бык, быстро соединил провода, возвратиться я не успевал. Один волк наскочил мне на плечи, и я кубарем перекатился вместе с ним к костру. Воины расстреливали волков, мчавшихся за ним, упустив из виду моего спиногрыза. Все, подумал я, пропали. Так как волк грыз шкуру, надетую на мне, а не мою (пока не мою), я дотянулся до жужжалки и крутанул ручку, это было единственное наше спасение, остановить стаю. У волков снова поднялась паника, от ударов тока основная стая бросилась прочь. Волк рвал меня все сильнее и сильнее, подбираясь к моей шее, раздирая кожу на спине, брэнча когтями по моей худобе, по ребрам, вскоре ему на помощь присоединился второй волк, и его оскал обхватил шею, но сжать не успел. Я увидел приближающегося быка, теперь точно все, промелькнуло в голове. Зубр, грозно ревя, с разбегу ударил спиногрыза и прижал его к земле, отчетливо раздавался хруст костей, задней ногой задел меня в бок и перекатил раза два, я оказался на спине. Второй сородич уцепился быку за живот, здесь я уже помог другу, лягнув ногами неприятеля, зубр с разворота принял его на рога, ну а я вернулся к жужжалке. Я лежал, холодея от страха, под брюхом, ноги великана топтались со всех сторон, но крутить не переставал.

Все стихло, зубр по-прежнему стоял надо мной, не подпуская никого, затем, лизнув мне лицо, отошел в сторону. Донжуан подбежал ко мне и помог забраться на повозку. Затем присыпали раны сухой лечебной травой вперемешку с пылью дерезы. Пострадал и Зверобой, в рукопашной схватке уложил троих волков. Бык стоял величаво в стороне, могучий неприступный.

Никто не знал, что делать с ним. Я, собравши силы, взял кусок хлеба, пошел к нему. Зверобой перехватил меня за руку. Нервным движением я освободился от опеки. Зубр, опустив рога, громко зафыркал, изредка бил копытом о землю. Но меня это не остановило, медленно продвигался ближе. Раз он меня спас, подсказывало сердце, значит, не тронет и сейчас. Учувя запах хлеба, немного присмирив, гора мышц подняла голову и сделала шаг вперед. Все насторожились, сердце ушло в пятки. Вытянув руку и закрыв глаза, я стал ждать, зубр своим шершавым мокрым языком осторожно слизнул хлеб. Это был акт примирения.

Светало. И снова в путь. Я лежал на повозке, очень ослаб. Зубр шел сзади не遠деке, могучий торс был виден меж деревьев. На следующий день на привале я слез с повозки, взяв хлеба, направился к нему.

– Не ходи, опасно, кто знает, что у него на уме, когда нет других врагов? – предостерег Зверобой.

– А он, наверное, хочет покататься, как древние на картинках, – засмеялся Донжуан.

У меня ёкнуло в сердце, покататься, как покататься, а вот в повозку запрячь хорошо бы.

– Давай мы его на мясо пустим, – предложил Следопыт.

– Нет. Он мне жизнь спас. А мяса столько не съешь и на телеге не утащишь, – сказал я.

За день я сдружился со Спасом, так назвал я быка, сокращенно от Спасителя. К вечеру пятнадцатого дня нашего путешествия Спас вдруг сам пришел к костру и улегся головой к лесу, он что-то чуял, иногда настороженно принюхивался и громко фыркал. Кто-то ходил вокруг лагеря. На следующий день Следопыт обошел территорию и сделал заключение, что это медведица с семейством.

Ночью молодой медведь предпринял попытку вторжения на территорию, но укуса жужжалки он не перенес, упал замертво, даже не заревел. Да, укусы действовали на зверей по-разному, кого убивали сразу, кто падал без сознания, а кто просто отпрыгивал и убежал.

Пять дней нас они держали в напряжении, даже днем подходили очень близко. Их осталось четыре, старый медведь, медведица и два погодка. Пятый, убитый, самый молодой годовалый. Вот мать и не уходила, выжидала момента, но Зверобой не разрешил стрелять, говорил, не надо провоцировать. Силы не равны.

Зато это помогло с дрессировкой Спаса. Он шел возле повозки, не боясь, брал хлеб из рук у каждого. Гладили его морду, и ему это нравилось. Затем я накинул ему веревку на шею, завязал узел, он немного пофыркал, как обычно, и успокоился. На следующий день, продолжая путь, я слегка повисал на веревке, и он нес меня, не обращая внимания на мой куриный вес. Следующей попыткой стало новое испытание. Одной рукой Зверобой брался за веревку, а другой за повозку, я шел впереди и угощал быка хлебом. Зубр сначала дергался и убегал в сторону, но медведи были начеку, и он возвращался назад. Снова и снова мы повторяли этот трюк, и это всех забавляло. Назавтра продолжили издеваться над животным.

– А че, напрасно его хлебом кормим? Самим уже маловато. Пусть поработает, – веселился Донжуан. – Давай привяжем колоду, пусть таскает, убежать медведи не дадут, быстрее привыкнет к телеге.

– Нет, – со всей своей строгостью сказал Зверобой. – Он может озвереть, и кому будет хуже, еще неизвестно.

К вечеру бык сдался, повозку тянул, точнее, повозку тянул Следопыт, а его тащил Спас, я шел впереди. Впрягать в нее опасались, вдруг понесет.

Двадцать третий день. Уже все привыкли к медведям, они шли рядом, и мы своей дорогой. Своей ли? Следопыт с трудом находил стоянки воинов того племени, а уйти на разведку невозможно. Хорошо попадались зарубки на деревьях от клинка. Но медведи не давали более детально обследовать территорию, найти путь прямее и свободный от завалов. С телегой везде не пройдешь, приходилось разрезать выворотки. Один раз пришлось возвращаться, уперлись в болото, хорошо, недалеко ушли от края.

Вечером приняли решение избавиться от гостей. Мясо закончилось, нового не настреляешь, хлеб оставили на тренировку быка. На Спаса возлагали большие надежды, да и свыклись с ним.

Разложили большой костер из сена и сухих веток, но не поджигали, расставили проволоку пониже на гибких ветках. Все остатки прокопченного мяса побросали в лес с одной стороны костра и немного возле проволоки. Тактика Зверобоя сработала, ведь и медведи голодали, следуя за нами. Донжуан, взяв клинок, вышел за проволоку и громко стал кричать и кидать поленья в темноту. Медведей долго ждать не пришлось. Они, как и положено, подбегали к мясу. Старый бросился к воину, тот отскочил в бок и резанул в брюхо. На рев медведя выскочили остальные. Так как костра не было, только один факел, они ринулись в бой. Донжуан шустрый мальчик, в два прыжка был возле проводов, ловко кувыркнувшись через голову, перескочил ее, еще немного и... подранок придавливает его всем весом к земле. Но воин успевает развернуться и подставить клинок вверх острием рукояткой в землю. Медведь со всего маха ложится аккурат на него и закрывает всего с головой, замирает. Я чуток опоздал, пока разжигал костер, не успел раскрутить жужжалку на большие обороты. Когда длинная проволока, скрутить с места вал очень трудно, а раньше раскрутить нельзя, мог вспугнуть зверя, Зверобой за это убил бы меня. Медведи, проскочив проволоку, бегут к центру. Спас, не зная нашей уловки, выставив рога, рванул навстречу. Запалив огонь, я лихорадочно приступил к кручению ручки.

Как я не завидую медведице, на которую неслась громадина мускул, она пригнулась, чтобы проскочить под ноги, но Спас еще ниже опустил голову (старый вояка, повидал много на веку) и, зацепив рогом, опрокинул медведицу на спину, затем резко развернулся на пол-оборота, упал боком на нее, придавив своим весом к земле. Это ей хватило с лихвой. Два остальных помоложе, испугавшись огня, притормозили на проводах. Следопыт и Зверобой добились их стрелами, если, конечно, надо было, укусы жужжалки для них были смертельны, а стрела не всегда могла пройти сквозь толщу жира и поразить важные органы. Зато Спаса было не остановить, он, подцепив свою жертву рогами, подняв над головой, носился, ревя на всю округу, как будто говоря: «Смотрите, какой я герой, бойтесь меня».

– Да, видела б его теперь зубрица, приняла бы назад в стадо, – вылезая из-под медведя, пошутил Донжуан.

Все дружно рассмеялись.

– В такого ударить, что в скалу, себе дороже, – Добавил Следопыт.

– Нам можно и на охоту с ним ходить: и шкуру сразу снимет, и мясо разомнет, – вставил Зверобой.

– На свидание можно отправить, и подарок знатный имеется, – не унимался Донжуан.

Всем было очень весело, пострадавших нет. Герой наш еще долго ревел и топтал медведя. Мы развели хороший костер жарить мясо, которое само к нам пришло, сами виноваты, не надо было докучать нам. Жаль оставлять трофеи, столько мяса хватит на все село на неделю вперед. До утра трещал костер, запах разошелся на всю округу, но хищник, учуяв, чье это мясо, обходил стороной. Взяв последний кусок хлеба, подошел к Спасу, угостил, погладив морду, прижал к себе, он довольный только сопел.

Утром, погрузив на телегу мясо и шкуры, двинулись в путь. Утомленные борьбой и сохранением припасов, мы еле переставляли ноги. Следопыт ушел вперед, разведать дорогу. Зверобой упорно держался за телегу и за зубра. Больше всех повезло Донжуану, разлегшись на повозке, дремал, делая вид, что придерживает провизию. Я, как всегда, шел впереди, уговаривая нашего героя желудями, хлеб закончился. За привалом Донжуан предложил привязать к повозке веревку и протянуть под ошейник, а самому идти рядом и придерживать второй конец веревки, если что, просто отпустить ее. После боевого крещения Спас стал намного спокойней, он и не думал уже вырваться, уходить от нас, шел спокойно, не замечая, что тянет повозку, на которую уселся я.

Двадцать шестой день. Следопыт, вернувшись из разведки, доложил, что селенье в дне перехода. Спас уже был впряжен в повозку, как положено, посреди, но веревки на всякий случай вязали слабо, узлом с бантиком, сами восседали на повозке, а впереди шли по очереди. В село решили зайти утром, чтобы не перепугать нашим обозом.

Ночью снова не спалось, кто-то рыскал вокруг, бык вел себя очень агрессивно, фыркал и тихо ревел. В лесу мелькала иногда тень очень крупного зверя. Весь заготовленный хворост догорел к полуночи, посчитали, что у села спокойней будет, собрали маловато. Правда, все обошлось.

Утро выдалось спокойное. Запрягши Спаса, двинулись в село, меня снова отправили вперед, а сами, смеясь, расселись на повозке.

– Ты помоложе будешь, вот и почет тебе идти впереди.

– Да и Спас тебя уважает.

– Ты возьми веревку, привяжи к рогам, и пусть думают, что ты все тащишь.

Так они дурачились надо мной, пока не вышли из леса. На подходе к селу тропа стала песчаная, каменистая, и я решил согнать зло на своих обидчиков. Оторвав ветку, я потеревил морду зубру и сам побежал в сторону села. Бык не любил этого и принял это за игру, рванул за мной. Я, весело смеясь, несся что было сил, бык не отставал, так же азартно ревел. Но что творилось на повозке, это что-то, вещи, шкуры, мясо и люди – все смешалось в кучу. Повозку трясло, подпрыгивала на ямках, камнях, корнях деревьев.

– По-по-подож-ди.

– Не-не спе-ши.

– Повоз-ку-ку раз-раз-лома-ешь-ешь.

Слышно было сзади. Только задорный и звонкий смех Донжуана подбадривал меня.

Со стороны села выглядело все наоборот. Представьте себе картину. Впереди убегает мальчик, за ним, ревя, несется громадина зубра, а завершает это какое-то нагромождение, тянущееся сзади в облаке пыли, из которого несется отборный мат вперемешку с задорным смехом, взлетающее вверх на каждой кочке, после себя оставляя длинный густой шлейф. Вот с

таким гиканьем мы влетели в центр села, когда пыль развеялась, нас окружало немногочисленное население. Мы, довольные, (может, кто и нет, я уж точно был доволен), пыльные, стояли, улыбаясь, только зубы блестели. Я сразу узнал того воина (ну почему я забываю знакомиться?), что приходил к нам, подошел к нему и обнял. Напряжение спало. Толпа загомонила, с опаской озираясь на Спаса. Он был немного неспокоен после пробежки, да и людей так много видел впервые. Я попросил принести хлеба для него.

Вскоро пришел их старейшина. Седой старик с посохом в руке, наверное, давно перешел столетний рубеж. Мы чинно поклонились и представились, кто и откуда. Он также сделал низкий поклон.

– Волхв Старомир. Я очень рад вашему визиту. Еще более тому, что есть еще селения с умными людьми.

Вперед вышел Следопыт.

– Наши старейшины решили не ждать вашего визита по весне и отправили нас к вам, чтобы отвезти вам изделия из железа, в которых вы так нуждаетесь.

Волхов и все жители стали подходить к повозке. Я быстренько отвязал быка от повозки, чем обрадовал его, и тот, долго не думая, убежал в поле. Старец долго осматривал повозку и причмокивал от восхищения. Донжуан, чинно сидя на повозке, достал сверток и хотел вручить его Старомиру, но передумал, слишком тяжел был для него, отдал рядом стоящему воину.

– Прошу к шалашу, Ярик, принеси поросенка да поставь на вертел, видишь, гости с дороги притомились, – отдал команду волхв.

– Спасибо большое за приглашение. Поросенок это лишнее, распорядитесь, пожалуйста, у нас здесь много мяса медведей, пусть заберут, – Предложил Зверобой. – Чтобы не испортилось понапрасну.

– Хороший поросенок лишним не бывает, – бросил шутку Донжуан.

Все были в шоке, когда стянули с повозки ткань. Там была настоящая гора мяса троих медведей, слегка прокопченного, четвертый на рогах уж очень сильно пострадал.

– Ну ни фиги себе! И как вам это удалось, не везли ж вы это из села всю дорогу? – не выдержал воин, держащий сверток.

– Потом, потом, идемте туда, – сказал волхв, указывая в сторону скал.

Там у них разводился костер, а вокруг лежали плоские камни.

– Это у нас летнее место для еды. Здесь мы обсуждаем прошедший день и планируем последующие.

Когда расселись, начался долгий и нудный разговор про дорогу, как мы их нашли, про жизнь в селеньях, чем и как отличается. Чем промышляем, как охотимся. Выяснилось, селенье их здесь основательно обосновалось недавно – года три, пришли они от моря.

– Зимы там стали очень суровы, и живность ушла оттуда. Здесь встретили старое знакомое племя старца Вольфа земля ему пухом, оно обосновалось невдалеке, небольшое полудикое селенье в двух днях хода. Сейчас после общения с ними они многое переняли у нас, теперь подумываем объединяться. За наше отсутствие в четырнадцать лет оно сократилось до тридцати пяти человек вместе с детьми, но больше женщин, и нас семьдесят шесть. Будем уже крепче стоять на ногах.

– Да, вот еще, разверните сверток, посмотрите, что мы вам привезли, – сказал я. – Это вас еще больше защитит, и легче прокормиться будет.

После моих слов воин опустил тяжелый сверток на землю и развернул его. Сразу достал топоры, затем ножи, один сразу примерил к себе, глядя на Старомира, тот кивнул головой, и нож в мгновение ока повис на груди. Вроде и нож был с полметра, но на волосатой груди он казался медальоном. Последним достал пилу. Долго крутили в руках, не понимая, что это за орудие.

– Это пила, для распилки деревьев, – подсказал я, показывая, как надо, отпилил кусок сука, торчащего из костра.

– А ты, наверное, будешь внук Мастера Сталь?

– Да.

– Спасибо тебе за лук, это очень хороший подарок. Им Ярик (во! теперь буду знать, как зовут молодого воина) столько дичи приносит, что стали впрок заготавливать, складывать в землянку на зиму.

– Но как? Сушеное мясо долго в земле отсыреет и не сохранится, только в мороз можно, – удивился Донжуан.

– У нас на море есть место, где можно брать соль. Просоливши мясо, храним его целый год. Правда, у нас уже она на исходе, придется еще раз отправлять воинов, чтоб зиму пережить.

– Соль, соль – это такая красная и горькая на вкус? Да она хранит продукты, но вкус отвратительный, – осведомился Зверобой.

– Ошибаешься, наша соль белая и вкусная, – заулыбался старец.

– А далеко ли туда идти? – спросил я.

– Если идти налегке, дней десять.

– Это он придумал повозку и быка приручил, – вставил не к месту Следопыт, хлопая меня по плечу.

– Я вижу, этот отрок умен не по годам, – помолчавши, добавил. – У него великое будущее, он увидит звезды.

Переспрашивать никто стал, звезды мы все видим и сейчас.

– Мне Ярик говорил, что вы собрали много железа, – краснея, произнес я.

– Да, оно лежит за последним шалашом, Ярик покажет тебе.

– Покажите лучше нам вашу соль, – попросил Донжуан.

Маленький мальчик, слушая нас, сорвался с места и вскорости принес горсть белого, словно песок, порошка. Донжуан осторожно положил крупички в рот и, широко улыбаясь, зачавкал от удовольствия.

– Так сколько, вы говорили, надо идти туда?

– Десять дней, глухой что ли? – рявкнул Зверобой.

– Хорошо!

– Что хорошо?

– Мы съездим за ней, на Спасе будет в два раза быстрее, да и больше привезем, хватит на всех.

– Нет, мы должны вернуться до зимы домой, да и дожди пойдут, можем застрять здесь.

– Не будь занудой. Мы приехали сюда раньше, чем предполагалось, да и назад поедем на Спасе уже по известной, расчищенной дороге. А здесь останется наш Р... гм... Эйнштейн, – Сказал Донжуан, глядя на меня. – Он за это время соорудит телегу побольше, чтоб и металл, и соль смогли влезть, и самим подъехать.

– Это правильно, соль, как и хлеб, поможет пережить зиму, – добавил волхв. – И еще я хотел просить вас задержаться на три дня, ваше чудо хочу показать волхву из соседнего селенья, я уже послал за ним.

– Значит, делать будем так, мы едем за солью, раз так она важна, Эн... Эн...

– Эйнштейн, – шепнул Донжуан.

– Да, Эйнштейн изготовит телегу, а то после недавней скачки наша развалится на обратном пути. Ты, Донжуан, останешься здесь помогать. Хоть немного отдохну от тебя, – закончил речь Зверобой.

На том и порешили.

Походы, походы ...

«Когда человек смеется, жизнь продолжается»

За день подремонтировав телегу, немного увеличили кузов, Зверобой, Следопыт и еще два воина из селенья двинули в путь. Но возникла проблема: Спас, видя, что нет меня, вернулся назад. Пришлось отложить поездку на следующий день. Вечером Зверобой, чтобы хоть как-то отомстить быку, который приставал ко всем, прося хлеб, взял щепотку соли и вместо хлеба сыпанул на язык. Спас фыркнул, закатил глаза.

– Ну все, буду врагом номер один, – вслух произнес воин.

Бык, открыв глаза, стал лизать своим шершавым языком ему руки. Зверобой прятал их за спину, поднимал над головой, но зубр упорно норовил их лизнуть еще и еще. До самой ночи Спас преследовал его, ни на шаг не отступая, это решило все проблемы, и наутро, взявши остаток соли, воины ушли за добычей. Жужжалку брать не стали, с ними пошел саблезубый тигр. Он остался один в селении, не смогли два самца жить вместе, это он тревожил нас во время последнего ночлега. Недоволен был только Спас, он все время норовил сразиться с ним. Тигр, напротив, чувствуя, что трогать его нельзя, находился всегда в стороне и при любой стычке убегал прочь, хотя завалить зубра, думаю, смог бы легко (хорошо воспитанный мальчик).

Мы с Яриком, подключив еще пару воинов, спилили огромное дерево, изготовили из него два колеса и четыре про запас, а то, пока ехали сюда, пришлось по дороге менять, искать подходящее дерево, на что тратится много времени. Затем перебрал металлолом, часть пришлось оставить, сильно проржавел, да и на первом месте стояла потребность в хорошей крепкой стали.

Через три дня в селенье мне стало скучно, в отличие от Донжуана. Он днями напролет только и ошивался возле девок. Везде был слышен его задорный смех, не смолкавший целыми ночами. Дело в том, что по негласному закону, продиктованному природой, во избежание вырождения рода требовалось постоянное обновление генов, которые мог дать только посторонний индивид, дать здоровое крепкое потомство.

Так как Зверобой и Следопыт ушли, я еще молодой, да и балагурить не умею, вся эта «миссия» возлегла на Донжуана. Все мужья понимали это и с терпением относились к происходящему. Волхв подшучивал:

– Через пару лет, когда заговорят родившиеся дети, это будет самое веселое племя всех веков, может, придется убегать в лес в поисках тишины.

В одно прекрасное утро я обошел все село и окрестности. Племя расположилось удачно, на небольшой возвышенности, которая имела по центру прогиб. Землянки вырыты во впадине, а в центре разместилась площадь, одна сторона холма опускалась к лесу, открывая проход в селенье. Вокруг колосилась дикая рожь, вперемешку с капустой. Отыскав на взлесье морковку (очень я ее люблю), направился к волхву.

– Доброе утро, – низко поклонился я.

– Утро доброе, что привело ко мне, юноша?

– Ярик говорил, что вы собирали железо в долине предков, она находится недалеко. Разрешите сходить туда с Яриком.

– Зачем ты хочешь рисковать жизнью? Металла достаточно, повозка не выдержит, да и соль еще будет.

– В прошлый раз ваши воины принесли дивную вещь.

Я рассказал все про жужжалку, про книгу деда. Как по картинкам изготовили пилу, телегу, а еще ранее дед построил печь дляковки железа.

– Так ты можешь понимать картинки древних?!

– Да, некоторые из них мне понятны, да еще мы с мастером Сталь определили, что знаки в ней – это записанная речь, только сколько я не пробовал подобрать звуки, все напрасно.

– В те далекие-далекие времена, как гласит легенда, каждое племя говорило на своем языке, если ты заметил, наш говор также отличается, только древние смогли прийти к общему. Вероятно, тебе попала книга из самого древнего времени.

– Вот и дед говорит, что нарисованы люди древние из древнейших, как мы теперь, история повторяется по кругу!

– Да, история повторяет бег по кругу, мудро говорит твой дед.

Долго еще молчал волхв, смотря перед собой. Я боялся прервать его раздумия.

– А ты знаешь, что означает твое имя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.